

Юнь Сансан стремительно выбежала наружу, смеясь от души. Однако, увидев лежащего на земле человека, её улыбка мгновенно исчезла. Она поспешила к нему, проверила дыхание и слегка облегчённо вздохнула. Затем, схватив его за воротник, она втощила его внутрь.

Сяо Лацзяо вынесла доску, и Юнь Сансан, уложив Гунсунь Лань, наконец узнала в грязной, пахнущей гарью женщине саму императрицу:

— Это же императрица? Похоже, она попала в пожар. Босс, что нам делать?

— Облизём её, пусть сама закажет еду.

Сяо Лацзяо немного замешкалась, но всё же зачерпнула ковш холодной воды и тихо пробормотала:

— Простите, императрица, но если не разбудить вас, вы не сможете заказать еду и умрёте.

Она уже много лет работала здесь, в ресторане, где была волшебная кастрюля. Эта кастрюля могла приготовить бесчисленное количество блюд с особыми эффектами. Но чтобы активировать её, нужно было одно условие: посетитель должен был взять меню, подумать о том, что хочет съесть, и на меню появлялось желаемое блюдо. Затем нужно было открыть крышку кастрюли, и внутри оказывалось именно то, что хотел посетитель.

Еда не только удовлетворяла желания, но и помогала решить текущие проблемы. Если человек не мог заказать еду, то оставалось только уповать на судьбу. За все эти годы здесь ещё никто не умирал сразу после прибытия.

Облитая холодной водой, Гунсунь Лань постепенно пришла в себя, сильно закашлявшись. Сяо Лацзяо помогла ей сесть и легонько похлопала по спине:

— Императрица, вы выглядите так, словно пережили что-то ужасное. Что случилось?

— Вытрите лицо и закажите что-нибудь поесть, — Юнь Сансан протянула ей чистый платок и меню. — Что бы ни случилось, сначала поешьте, чтобы сохранить силы.

Гунсунь Лань молча кивнула, приняв платок и меню.

После заказа она не стала вытирать воду, лишь безучастно прислонилась к стене. Юнь Сансан не стала её беспокоить. Если бы это было раньше, она, возможно, почувствовала бы сострадание. Но, видя подобные истории снова и снова, она привыкла. Сколько бы ни говорили другие, если сам человек не хочет меняться, всё бесполезно.

Её место было лишь пристанищем для отдыха и расслабления. Что касается изменений в жизни посетителей, всё зависело от них самих. Гунсунь Лань снова появилась здесь в таком плачевном состоянии, с пустым взглядом. Скорее всего, произошло что-то, что она не могла принять.

Попробуем угадать: это связано с императором или с кем-то из близких? Она просто сидит, не проявляя сильных эмоций, так что, вероятно, это связано с императором или с кем-то из её окружения.

— Императрица, поешьте, — Сяо Лацзяо, моргнув, подала ей еду. — Босс часто говорит, что, что бы ни случилось, вы должны заботиться о себе. Если вы не будете заботиться о себе, никто другой не станет этого делать.

— Спасибо, Сяо Лацзяо, — голос Гунсунь Лань был сухим.

Она взяла миску и начала медленно есть кашу. С каждым глотком силы возвращались к ней. Если бы в критический момент она не вспомнила об этом месте, а также о том, что уже стемнело, она, возможно, уже была бы мертва.

Вспоминая всё, что произошло, она всё ещё была в замешательстве. Она всегда думала, что Доу Су, как бы он ни любил власть и свою репутацию, не сомневаясь в ней, максимум, что он сделает, это заточит её в Холодный дворец. Позволит ей сойти с ума или умереть там, и это будет самым суровым наказанием.

В конце концов, она была императрицей, и у них было трое детей.

Она никогда не думала, что Доу Су может быть настолько жестоким. Он мог поверить клевете наложницы и решил сжечь её заживо в палатке. Причина же была настолько смешной, что говорить о ней было бессмысленно.

— Он хотел сжечь меня.

Гунсунь Лань доела миску каши, и её физическое состояние улучшилось. Она подняла голову и посмотрела на Юнь Сансан:

— Снова в долгу перед вами, Юнь, я верну долг.

— Не торопитесь, я знаю, что вы вернёте. Если не сейчас, то позже, и с каждым днём проценты будут расти, так что я всё равно в выигрыше, — Юнь Сансан улыбнулась, обмахиваясь веером.
— В вашем состоянии лучше подумайте о себе. Кстати, кто хотел вас сжечь?

Глаза Гунсунь Лань покраснели, но слёз почти не было. Она уже давно поняла, что Доу Су больше не заботится о ней, и не питала больше никаких надежд. Что действительно сковывало её, так это незнание, выиграет ли она, если начнёт сопротивляться, и сможет ли справиться с давлением извне.

Как на неё посмотрит народ? Как министры будут давать на неё? Поддержат ли её дети? А есть ли у неё талант управлять страной? С самого рождения она жила в эпоху войн. Пока не появился Доу Су, объединивший половину страны, и люди, скитавшиеся в беспорядках,

наконец обрели спокойную жизнь, которая становилась всё лучше.

Хотя налоги сейчас высоки, по крайней мере, не нужно было постоянно бояться смерти, призыва мужчин в армию или внезапной потери семьи. Она не могла допустить, чтобы эта трудно полученная стабильность снова рухнула. Она также понимала, что народу, возможно, всё равно, кто стоит у власти, лишь бы они жили в мире и спокойствии.

Именно этот шаг она не могла сделать. Если ради своих личных интересов она ввергнет страну в хаос, она станет вечным грешником. К тому же, есть ещё страны из степей и пустынь, которые жадно смотрят на них. Если с Доу Су что-то случится, их страна тоже не будет в безопасности.

— Это Доу Су хотел меня сжечь, — чётко произнесла Гунсунь Лань. — Юнь, причина, по которой он хотел меня сжечь, кажется мне смешной. Если бы не это место, я, возможно, уже сдалась.

— Если вы сдадитесь, что будет с вашими детьми? Без вашей защиты их будут сильно обижать, особенно вашу младшую дочь, которая ещё не выросла, — напомнила Юнь Сансан, легонько похлопав Гунсунь Лань по плечу. — Не сдавайтесь, сделайте шаг, который считаете правильным, и действуйте. Что касается результата...

Гунсунь Лань продолжила:

— Уповать на судьбу?

— Нет... — Юнь Сансан покачала головой. — Конечно, человек может преодолеть судьбу. Уповать на судьбу — это слова слабых. Я вижу, что вы больше не питаете чувств к Доу Су, и если не делаете этот шаг, то, вероятно, из-за других опасений. Подумайте, чего вы боитесь, и затем начните исправлять это. Если вы не сделаете этот шаг, день за днём, год за годом, пока вы не состаритесь и не сможете двигаться, вы потеряете ещё больше. И тогда появится такая картина: седовласая старушка, слабая, лежащая на кровати, плачущая в ожидании смерти.

Гунсунь Лань представила эту сцену в голове, вспомнила о жестоких наложницах во дворце и о Доу Су, который не обращал на это внимания, наслаждаясь дворцовыми интригами, как будто наблюдал за борьбой сверчков.

Её сердце сжалось. Если она действительно умрёт, её детям будет очень плохо. Особенно младшей дочери, Доу Цзин, которой, возможно, в возрасте двенадцати-тринадцати лет отправят в степи или пустыню для заключения брачного союза.

<http://bllate.org/book/15262/1346851>